

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23), профессор факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; gajievks@mail.ru)

КРИЗИС ИЛИ ЗАКАТ ЛИБЕРАЛИЗМА?

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить и проанализировать кризис либерализма, который, в свою очередь, теснейшим образом связан с кризисом политической демократии, идей прав и свобод человека. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса о том, что в условиях кардинальных сдвигов в социокультурных и политико-культурных структурах современного западного общества имеет место абсолютизация, доходящая до мутации некоторых базовых положений либерализма. Показано, что суть этого феномена состоит в отказе определенной части интеллектуального и политического истеблишмента западных стран под лозунгом борьбы за права и свободы человека от традиционных ценностей, институтов, морально-нравственных норм и т.д.

Ключевые слова: Запад, либерализм, демократия, ценности, идея, права человека, свобода, политика, кризис, закат, мутация, общество

В предлагаемой статье главное внимание концентрируется на положении и тенденциях эволюции либерализма, ценности, установки, принципы которого лежат в основе идей политической демократии, прав и свобод человека. Для правильного понимания смысла статьи в самом начале считаю уместным подчеркнуть, что речь идет лишь об одном из целого комплекса реальных и возможных векторов развития современного Запада. Причем как бы за скобки выносятся тот факт, что в течение всей своей истории Запад всегда находил достойный выход из самых серьезных кризисов.

О неизбежности исчерпания творческих потенций ценностей и идей

Либерализм в период своего формирования и институционализации представлял собой комплекс радикальных идей переустройства базовых парадигмальных, мировоззренческих, социально-философских основ европейской средневековой цивилизации. Вместе с Реформацией, положившей в вероисповедной системе конец римско-католическому универсализму, эти идеи заложили идейно-политическую основу Великой трансформации, в процессе которой на смену формам политической самоорганизации народов Средневековья пришла новая капиталистическая цивилизация, основанная на ценностях гражданского общества, рыночной экономики, политической демократии, прав и свобод человека. В этом смысле отцы-основатели либерализма и их приверженцы выступали в качестве субъектов, как выразился бы Й. Шумпетер, творческого разрушения — разрушения старого мира и создания на его развалинах новой цивилизации с совершенно новыми формами политической самоорганизации народов.

Нет сомнений в том, что гуманистические по своей сути идеи рыночной экономики, политической демократии, прав и свобод человека дали мощный толчок социальному, экономическому, технологическому, культурному прогрессу сначала довольно узкого круга западных стран, а вслед за ними — и остального мира. Возможно, человечество еще не избрело более эффективную и вместе с тем более соответствующую интересам большинства людей и одновременно духу прав и свобод человека форму политической самоорганизации народов, чем демократия. Возможно, был в чем-то прав У. Черчилль, который, как бы перефразируя высказывание Вольтера: «Монархия — лучший из худших видов прав-

ления», утверждал: «Демократия – это наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Либерализм и демократия являются исключительным творением и достоянием сначала западноевропейского и постепенно евро-атлантического мира. Они представляют собой исторические феномены, возникшие на определенном историческом этапе развития западного мира, или, как выразился бы А. Тойнби, ответом на новые вызовы, порожденные в условиях перехода от Средневековья к Новому времени.

Опыт истории свидетельствует о верности древней формулы: *Sic transit gloria mundi*, т.е. «так проходит мирская слава». В человеческом мире нет ничего вечного. Историю можно изобразить как путь, усталый исчезнувшими цивилизациями, мировыми империями, культурами, народами. То же самое можно сказать о формах политической самоорганизации народов, мировоззренческих парадигмах, течениях общественно-политической мысли, идеологиях, политических системах. В этом контексте был прав Б.Ф. Скиннер, который писал: «...хотя плановая экономика, благотворительная диктатура и стремящаяся к обновлению совершенного общества потерпели поражение, нельзя забывать, что гибли также культуры, в которых не было ни плановой экономики, ни благотворительной диктатуры, ни стремления к совершенству» [Комаров 1997: 178].

Разумеется, либерализм, демократия, идеи прав и свобод человека, будучи историческими феноменами, также подвержены естественным для человеческих сообществ законам возникновения, триумфа, постепенного упадка и заката.

Мы живем в условиях смены эпох, которая характеризуется эрозией и разложением тех или иных из господствующих ценностей и разрыванием процесса формирования новых ценностей, отношений, институтов. Смена эпох порождает новые надежды и проекты более совершенного и справедливого порядка. В результате окончания «холодной войны» и двухполюсного миропорядка казалось, что окончательно пали тирании и наступает эра торжества мира, демократии, прав и свобод человека. Поэтому не удивительно, что появились разного рода идеи наподобие получившей в свое время скандальную известность концепции «конца истории», с помощью которой Ф. Фукуяма пытался убедить всех и вся, что западная либеральная демократия победила окончательно и утвердится в качестве «высшей формы организации человеческого общества». Однако, как показал мировой опыт последних двух десятилетий, основные тенденции и процессы развития современного мира приняли иные векторы.

Начиная с конца 1960-х гг. такие выражения, как «нищета либерализма», «конец либерализма», «смерть либерализма», зачастую выносимые в заголовки книг и статей, стали стереотипными. В 1971 г. один из теоретиков западногерманского либерализма К.Г. Флах утверждал, что «голос либералов ослаб», что «либерализм остановился в своем развитии в XIX в.» [Flach 1971: 17]. Еще более категоричные суждения по этому вопросу высказал известный американский социолог Р. Нисбет, который утверждал, что «либерализму, как мы его понимаем в XX в., место на свалке истории» [Niesbet 1983: 84].

Впрочем, таких характеристик можно привести множество. Достаточно констатировать, что при всех возможных оговорках рассуждения о смерти либерализма были для того периода не совсем корректны. Хотя большинство либеральных партий очутились в состоянии глубокого кризиса, идеи и ценности либерализма не утратили своего влияния на Западе. При непредвзятом анализе то, что выдавалось за упадок либерализма, можно было квалифицировать как его кризис, приспособление к новым реалиям, что не одно и то же.

Однако качественно новое положение сложилось в последние два-три десятилетия, когда либерализм достиг критического предела своего развития. Причем

такая оценка касается не только конкретно либерализма, но также всех без исключения главных течений общественно-политической мысли и идеологий, которые в той или иной степени определяли основные направления общественно-исторического развития Запада на протяжении всего XX в. Дело в том, что в зависимости от конкретных условий ими были в буквальном смысле слова растасканы основополагающие ценности, идеи, установки, принципы либерализма.

Добившись грандиозных успехов на этой стезе, либерализм, демократия, идеология прав и свобод человека, возможно, уже прошли пик своего развития и потеряли внутреннюю энтелехию, необходимую для продолжения пути вперед и вверх. Та модель демократии, которую Запад стремится насадить в остальном мире даже силой, когда это необходимо, возможно, достигла своих пределов, начинает стареть (или уже состарилась), теряет свои творческие потенции и отживает свой век. Эйфория относительно конца истории и полной и окончательной победы западного либерализма оказалась фикцией, порожденной как бы «сном разума».

Речь идет о своего рода мутации идей отцов-основателей либерализма Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Т. Джефферсона и тем более реформаторов XX в. Дж.М. Кейнса, Ф.Д. Рузвельта, Д. Ллойд-Джорджа, Джолитти и др. В этом вопросе можно согласиться с немецким исследователем Г. Рормозером, который называл либертариизм «извращенной» формой либерализма, но из трансформировавшихся его ответвлений. Эта извращенность все более отчетливо проявляется в тех тенденциях и процессах, которые происходят в либерализме и вместе с ним во всех ключевых течениях общественно-политической мысли.

Трансформации, вызвавшие эти процессы, нельзя правильно понять в отрыве от тех тектонических сдвигов, которые происходят в глубинных инфраструктурных пластах общественно-политической жизни и мировоззренческой системы современного мира в целом и западного человечества в особенности. Факторы, подтачивающие ценности, идеи, идеалы либерализма, демократии, прав и свобод человека, лежащие в основе иудео-христианской, евроатлантической цивилизации, вызревают на ее же почве.

Суть проблемы состоит в том, что во имя превратно понятых ценностей и идей демократии, прав и свобод человека всячески поощряется политика демонтажа всех возможных табу, насаждения беспредельной толерантности, зачастую выражаемая термином «политкорректность» и ставшая ключевой составляющей демократического мессианизма. Парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию, во все возрастающей степени высвечивая ее оборотную сторону, а именно неприятие ценностей и культур незападных народов, осмеивание их верований, оскорбление разного рода карикатурами их богов, пророков, мучеников.

В этом русле проблема состоит в том, что в условиях глобализации и информационно-телекоммуникационной революции большинство приобретает совершенно иные, чем на протяжении всего XX в., формы и содержание. Создались предпосылки для формирования всемирных толп, склонных к принятию ценностей, принципов, отношений тоталитарной ориентации. Ключевую роль в мобилизации толп выступают активные, я бы сказал, порой агрессивные виртуальные группы — организаторы разного рода флешмобных кампаний «за» или «против» тех или иных проблем, волнующих ту или иную часть общества. Благодаря Интернету и другим средствам, с помощью которых осуществляется моментальное одновременное взаимное информирование многих людей независимо от места их пребывания, создалась ситуация, при которой какая-нибудь активная группа, вождедеющая власти, влияния, привилегий, способна навязать

свою волю, свое видение мира, свою модель образа жизни целым коллективам, сообществам, отдельно взятому государству, даже мировому сообществу. Иными словами, демократия большинства постепенно трансформируется во власть множества и множества конкурирующих и конфликтующих между собой активных меньшинств.

Эти процессы и тенденции дают основания для утверждения, что условная линия, пролегающая между демократией, авторитаризмом и тоталитаризмом, обнаруживает тенденцию к постепенному размыванию. Их объединяют некоторые специфические ценности, идеи, установки, заряженные разрушительными потенциями для базовых устоев иудео-христианской цивилизации. Острие критики направлено, прежде всего, против традиционной семьи с мужчиной-отцом и женщиной-матерью, которая рассматривается как «авторитарное государство в миниатюре», где «семейный империализм воспроизводит национальный империализм». Другими словами, в семье они видят не просто неравенство полов, а политическое неравенство. Более того, один из отцов-основателей так называемого нового гуманизма Т. Адорно объявил традиционную семью «колыбелью фашизма». Более того, речь идет о попытках изменения самой природы человека путем фактического отрицания различий полов, о стремлении к освобождению от будто бы сковывающих человека уз традиций, духовных преград, ограничений, запретов, табу, дисциплинирующих личность, сдерживающих эгоистические порывы человека, о детабуизации.

Искушение свободой

Свобода – категория социальная. Вне общества мы не вправе говорить о свободе, поскольку она может быть реализована только в системе отношений между людьми. При общности некоторых базовых характеристик понимание содержания и путей реализации свободы в каждом конкретном обществе зависит от господствующих в нем общественно-исторических, социокультурных, политико-культурных, конфессиональных и иных ценностей, норм, правил, установок.

В то же время свобода – категория историческая, поскольку современное ее понимание сложилось в процессе длительного исторического развития. Здесь уместно напомнить ту истину, что человек отнюдь не появился на исторической арене как независимый и свободный индивид, а приобрел эти качества, личностные характеристики лишь в процессе исторического развития. И действительно, трактовка этого понятия у человека, жившего в какой-нибудь первобытной общине или же в древнегреческом полисе, у современного американца, француза, русского во многих аспектах могут существенно различаться.

Современное понимание свободы, как известно, неразрывно связано с формированием и утверждением идей личности, гражданского общества и правового государства. Данный факт нашел свое выражение в той широкой популярности, которую у приверженцев либерализма, демократии, прав и свобод человека получила известная максима, сформулированная одним из основателей софизма Протагором: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих». По-видимому, предлагая свою формулировку, Протагор имел в виду, что нормы и правила жизни человека определяется не миром природы, а сам человек является точкой отсчета в своих отношениях как с другими людьми, так и с природой. В гуманистической традиции и связанном с ним рационализме этот тезис в форме Παντων χρηματων μετρον ανθρωπος (человек есть мера всех вещей) стал одним из центральных.

Весь исторический опыт со всей очевидностью показывает, что свобода есть непреходящая ценность и основополагающая сущностная характеристика человека, онтологическая первооснова человеческой жизни. Разработка и принятие

идеи свободы в качестве обязательных норм, правил и принципов взаимоотношений людей стали величайшим достижением западного человечества, сыгравшим ключевую роль в его социально-экономическом, общественно-политическом и технологическом прогрессе. Поэтому следует признавать, защищать ценности прав и свобод человека, справедливости, демократии, всячески способствовать их утверждению во всемирном масштабе, бороться против любых форм и проявлений тирании, деспотизма, тоталитаризма и т.д.

При всем том, как свидетельствует опыт истории, чрезмерную веру в человека, максимум «человек есть мера всех вещей» нельзя оценивать однозначно.

Божественный Платон – человек, такое исчадие ада, как Чикатило, – тоже человек. Возможно, в их генетическом коде в каком-нибудь звене в той или иной форме расходятся миллиардные доли миллиметра. Возникает сакраментальный вопрос: можно ли их обоих и каждого в отдельности называть мерой всех вещей?

По данным антропологических, археологических и исторических исследований, со времени своего выделения из стадного состояния и приобретения видовых характеристик *Homo sapiens* по своим биосоциальным и психофизиологическим качествам в течение многих тысячелетий претерпел лишь незначительные изменения. Фундаментальные свойства, присущие ему как особому виду, сложившемуся еще в доисторические времена, в тех или иных формах и степени остаются присущими его природе и в наши дни и, возможно, останутся всегда.

Эти же исследования показывают, что всякого рода идеи об исключительно доброй природе человека, мягко говоря, не всегда и не обязательно коррелируют с реалиями истории человечества. В глубинном онтологическом измерении в человеке, как отмечал Ф. Шеллинг, «содержится вся мощь темного начала и в нем же содержится и вся сила света. В нем – оба средоточия: и крайняя глубина бездны, и высший предел неба» [Шеллинг 1908: 30]. Дьявол, Ариман, Люцифер, Иблис – такие же «законные» составляющие природы человека, как Ахурамазда (или Ормузд), Бог, Аллах. Рай получает свою легитимность именно потому, что в сфере духа он имеет своим антиподом ад. Или, иначе говоря, тайна, таинство жизни наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличного, божественного включает в себя также мистерию греха. Она полна роковых противоречий: падшая жизнь, горечь и тленность мира – такие же неотъемлемые характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа. Приходится констатировать правоту Ф.М. Достоевского, открывшего преступление в самих глубинах человеческой души, в которой, по его словам, «Бог борется с дьяволом».

Иначе говоря, свобода, свобода воли, взятая сама по себе, абстрактная свобода безразлична с точки зрения добра и зла. Безразлична в том смысле, что в ней коренится возможность как высочайшего добра, так и низменнейшего зла. Свобода есть открытый путь как ввысь, к сияющим вершинам, так и вниз, к зияющим безднам. Границы свободы полагаются как внутренней природой человека, так и миром, который предоставляет ему более или менее строго очерченное жизненное пространство, где, в свою очередь, каждому отмерено определенное «пространство свободы», на которое другие не вправе посягать. Стремясь к свободе, человек каждый раз обнаруживает, что она целиком определяется императивами и границами свободы других членов общества, т.е. границами, которые устанавливает не он сам. Возможно, именно этим постулатом руководствовался И. Кант, когда формулировал один из ключевых составляющих категорического императива: моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека, точнее говоря, свобода всех остальных членов общества.

Было бы прекрасно, если бы все люди были подобны ангелам небесным. Общеизвестно, что люди часто выходят за пределы нравственных запретов, нарушая права и свободы других членов общества. Поэтому там, где не работают нравственные нормы, в силу вступает, как говорил С.Л. Франк, «холодный и жестокий мир права с присущим ему узаконением эгоизма и грубым принуждением» [Франк 1992: 81]. Другими словами, когда теряются внутренние табу, внутренняя цензура, в силу должны выступать извне налагаемые табу, внешняя цензура. А они под силу только сильному государству, которое не может быть таковым, если оно зиждется на сверхабстрактных постулатах либерализма, демократии, прав и свобод человека.

Как представляется, ни одно государство за всю писаную историю человечества по самой своей природе не могло, не может и никогда не будет существовать, если в его фундамент в качестве краеугольного камня заложены исключительно никем и ничем не нарушаемые права и свободы человека. Любое человеческое сообщество, тем более государство, претендующее на пригодность к настоящему и будущему, не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью.

Сверхличных в том смысле, что любое жизнеспособное общество есть нечто неизмеримо большее, чем просто совокупность людей, их интересов, выражение человеческих страстей и стремлений и т.д. Если бы не было принципов, зачастую как бы сжимающихся в своего рода сгустки в виде правил и стереотипов поведения, ритуалов, табу и т.д., человечество, возможно, навсегда осталось бы в первобытном состоянии, где господствовал принцип войны всех против всех и выживания наиболее приспособленных к жизни. Здесь, как подчеркивал С.Л. Франк, единство не извне господствует над множественностью, а изнутри пронизывает ее, обеспечивая привычное внутреннее единство людей.

Человек и человеческая жизнь наделены смыслом лишь в том случае, если рассматривать их не как равные самим себе, самодовлеющие образования, а как сущности, мыслимые в точке пересечения естественного и божественного миров, там, где общественное бытие не расчленено на сакральное и мирское, рациональное и иррациональное, субъективное и объективное и т.д. Речь идет о таких ценностях, как идеалы, миссия, героизм, мученичество, жертвенность, готовность принять смерть за те или иные дорогие сердцу ценности, принципы, установки, которые служат неизменными скрепами, соединяющими племена, этносы, народы в единые сообщества. Без них человеческие сообщества не имело бы своих Прометеев, Икаров, Иисусов и т.д., без которых трудно, если не невозможно представить жизнеспособность и перспективы общества и государства.

Без признания этой истины идея прав и свобод человека не способна выполнить функцию скреп, объединяющих сообщества народов в современном мире, главными характерологическими составляющими которого являются все большая динамичность, неопределенность, неустойчивость, турбулентность, непредсказуемость, конфликтность и т.д.

К примеру, когда перед обществом и государством возникает дилемма – выбор между собственным самосохранением, с одной стороны, и жизнью отдельно взятого человека, его правами и свободами – с другой, приоритет отдается императиву самосохранения государства. В этом плане императивным долгом государственных деятелей в истинном смысле этого понятия, а также граждан-патриотов является готовность жертвовать своей жизнью, при этом лишая жизни граждан противостоящего государства. В этом состоит суть всех войн между народами, государствами, империями, цивилизациями. Как подчеркивал Г. фон Трейчке,

«индивидуум может и должен жертвовать собой для нации. Но государство, которое жертвует собой для другого народа, не только не нравственно, но оно противоречит идее самоутверждения [*Selbstbehauptung*], то есть наиболее весомому, что есть в государстве». Поэтому «не следует рассматривать государство как необходимое зло, оно, наоборот, является высшей необходимостью [его] природы [*hohe Naturwendigkeit*]» [Treitschke 1897: 27]. При таком понимании сама постановка вопроса о том, что важнее — отдельно взятая личность или государство, звучит так же нелепо, как спор о том, кто важнее для продолжения рода человеческого — мужчина или женщина.

И еще. Свобода требует от человека напряжения, усилий, самостоятельности, инициативы, способности сделать осознанный выбор и отвечать за свои действия. Это, если хотите, в определенном смысле крест, который не всем под силу нести. Требования о либертаристски понимаемой свободе заслоняют за собой ее многогранность, многоликость, неоднозначность, противоречивость, сопряженность со многими другими общественно-политическими феноменами, институтами, ценностями, такими как власть, авторитет, равенство, справедливость, ответственность, нравственность и т.д. Иначе говоря, свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека.

Непредвзятый анализ этих процессов и тенденций показывает, что избыточная вера в человека и человек, предоставленный самому себе, при определенных условиях могут быть просто опасными для остальных людей и даже человеческих сообществ. Если человек — мера всех вещей, и нет над ним какого-либо иного начала, которое выше него самого, то, естественно, его неотступно преследует соблазн сделать категорическим императивом руководства в жизни максимум: «Что хочу, то и делаю». Или же, как утверждал один из героев Г. Маркеса, солдат революции, «мы делаем революцию, чтобы можно было жениться хоть на собственной матери». Ведь можно захлебнуться такой свободой! Таких людей Ф.М. Достоевский именовал бесами — «фанатиками человеколюбия».

Общеизвестно знаменитое выражение лорда Эктона: «Власть развращает, абсолютная власть — развращает абсолютно». При этом равным образом следует прилечь к выводу: «Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно». Действительно, свобода, исповедуемая без внутреннего самоограничения, ведет к распущенности. Об обоснованности данного тезиса свидетельствуют те процессы и тенденции в общественной жизни стран Запада, которые иначе как дестабилизацией и элиминацией традиций нельзя назвать. С сожалением приходится констатировать, что она в современных условиях в тех или иных странах, где все еще сохраняется приоритет либеральных ценностей, склонна находить официальное признание и легитимность. Так, следуя идее мессианской миссии США, победивший на выборах президента США в 1976 г. сверхидеологизированный Дж. Картер объявил защиту прав человека во всем мире стержневой составляющей внешнеполитической стратегии Вашингтона. В 2015 г. при столь же сверхидеологизированном президенте Б.Х. Обаме эта стратегия приобрела прямо-таки крайние формы. После того, как 26 июня того же года Верховный суд США голосами 5 его членов против 4 легализовал однополые браки на всей территории страны, государственный секретарь Дж. Керри объявил, что теперь США будут добиваться аналогичных прав для представителей ЛГБТ-сообщества во всем мире. Керри констатировал, что выполнение данной миссии поручено специальному посланнику по правам лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

На основе этих доводов и аргументов можно сделать вывод, что неправомерно говорить о некоей абстрактной свободе, естественной свободе, которая ни в так

называемом естественном, ни в общественном или ином состоянии не существовала, не могла и не может существовать. Свобода, не знающая пределов, как правило, рано или поздно превращается в свою противоположность, неизбежно ведет к анархии и, в конечном счете, к той или иной форме деспотизма.

От творческого разрушения к разрушению основ, ведущему к закату

Исторически сложилось мнение об органическом единстве либерализма и демократии. Действительно, их взаимосвязь в сознании людей настолько глубоко укоренилась, что как само собой разумеющееся воспринимается понятие «либеральная демократия». В контексте происходящих в мире в целом и на Западе в особенности тектонических сдвигов интерес представляют получающие все более растущую популярность рассуждения о нелиберальной демократии. Эта идея обосновывается, например, известным американским аналитиком Ф. Закариа в книге «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами». В самой краткой форме главный тезис книги состоит в развенчании господствующей идеи о тождестве свободы, демократии и либерализма. По его мнению, демократия может быть нелиберальной, поскольку, как показывает опыт так называемых революций в арабском мире, демократические преобразования привели к власти откровенно диктаторские режимы. В этом контексте, возражая известному американскому философу Дж. Дьюи, который в 1927 г. утверждал: «Лекарство от болезней демократии — это больше демократии», Ф. Закариа пишет: «Сегодня нам в политике нужно не больше, а меньше демократии» [Zakaria 2003: 240, 248]. Как считает Закариа, нелиберальная демократия, как правило, становится следствием преждевременной демократизации.

Проблема, как отмечал Ф. Закариа, состоит в «глубокой разбалансированности американской системы: больше демократии, но меньше свободы». Выход из такой ситуации он видит в нейтрализации неумеренной «демократизации демократии», или «чрезмерной демократии» (*deMOREcracy*). Или же, рассуждая вместе с Н. Боббио, «ничто не подвергает демократию такому риску, как избыток демократии» [Bobbio 1985: 13]. Перефразируя это выражение, можно сказать: ничто так не подвергает риску личную свободу отдельно взятого человека, как избыток свободы.

Эти трансформации либерализма, демократии, идей прав и свобод человека коренятся в их успехе, который породил у их сторонников веру в свое призвание вести за собой остальной мир. Здесь особо важное значение имеет феномен так называемого западного триумфализма, который как будто лишил его адептов способности осознавать те тектонические сдвиги, которые в последние годы происходят в глубинных пластах современного мира. В результате теряется видение новых вызовов, порождаемых этими сдвигами, и, соответственно, способность выработать ответы, адекватные этим вызовам. Здесь не могу не согласиться с Ф. Закариа, который утверждает, что успех вызвал у Америки атеросклероз. При этом, по его мнению, Америка слишком велика, чтобы поддаваться кризису, мир продолжает ей доверять. «Но, — не без определенных оснований предупреждает он, — тайная раковая опухоль продолжает расти, подгрызая систему» [Zakaria 2011].

Запад во главе с США теряет статус мессии-миссионера. Как бы подтверждая этот тезис, обозреватель *The Wall Street Journal* У. Галстон не без оснований констатировал: «Как могло случиться, что либеральная демократия — великий американский экспортный продукт и будущее Запада, если не всего человечества, в наши дни становится конфессией, теряющей своих приверженцев?»¹ Об

¹ Is Liberal Democracy an Endangered Species? — *The Wall Street Journal*. 2017. January 5. Thursday.

обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что победа Д. Трампа на выборах на пост президента США в ноябре 2016 г., выход Великобритании из Евросоюза, равно как успехи европейских новых правых идут в одном русле с инверсией векторов и функций глобализации, возрождением национализма, патриотизма, национальной идентичности, ресуверенизации, фундаментализма, интереса к традиционным ценностям.

Провал так называемых революций Арабской весны и стратегии экспорта демократической революции убедительно свидетельствует о том, что незападный мир в подавляющем большинстве не приемлет ценности, нормы, отношения, правила игры, предлагавшиеся ведущими странами Запада. Метафорически говоря, солнце Арабской весны взошло, когда для самого западного либерализма, вступившего в фазу мутации, наступила осень.

Эти тенденции и процессы свидетельствуют о начале конца той эпохи, в которой либерализм и демократия в западном понимании возникли и эффективно выполняли роль движителей социального, экономического, технологического и политического прогресса. Речь идет, по сути дела, о необходимости переоценки ценностей либерализма, демократии, прав и свобод человека, их системных характеристик, предназначения, места и роли в современном стремительно меняющемся мире. В этом русле возникают сакраментальные вопросы: каковы ценности, идеалы, принципы, установки, которые выше демократии, прав и свобод человека и объединяют людей, народы в единые сообщества? Способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Или же вопрос, поставленный Дж. Бьюкененом: «Что есть демократия – наше спасение или идеология самоубийства Запада?» [Buchanan 2010], и др.

Обнаруживается, что повсеместное и безразборное внедрение либертариистски понимаемых прав и свобод человека ведет как к беспрецедентному увеличению источников угроз национальной безопасности государства, так и к эрозии условий обеспечения действительных прав и свобод его подданных и граждан. Соответственно, бывают ситуации, когда необходимо обеспечить порядок и безопасность в обществе любой ценой, даже ценой ограничения принципов демократии, прав и свобод. Смертельный грех государственной власти – это слабость. Разрушение государств и вакханалия хаоса на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ставшие результатом экспорта «демократической революции», убедительно свидетельствуют о том, что самая тираническая власть лучше анархии и порождаемых ею хаоса, беспредела, насилия, войны всех против всех. Чем больше демократии, чем разнузданнее свобода, тем больше общество нуждается в восстановлении отвергнутых или создании новых табу и принципов «золотого правила» или, иначе говоря, в государственных и иных внешних институтах, способных легитимно ограничивать как саму демократию, так и конкретно права и свободы человека. Иначе говоря, прослеживается некая закономерность: чем жестче государственная власть, тем больше вероятность того, что ее крушение чревато анархией и хаосом, проповедуемыми и поддерживаемыми под лозунгами демократии и свободы. И наоборот, чем шире и разнузданнее демократия, защищаемая под лозунгами прав и свобод человека, тем больше вероятность установления жесткой авторитарной власти. Об обоснованности данного тезиса свидетельствуют факты возрастающей ностальгии по авторитарному прошлому в странах, подвергшихся экспорту «демократической революции» со стороны Запада, и роста спроса на диктаторов вроде повешенного по указке американцев Саддама Хусейна и опять же не без участия американцев вероломно истерзанного Муаммара Каддафи.

Если согласиться с этими аргументами, то можно предположить, что возникла необходимость защиты демократии от слишком рьяных демократов, а прав и свобод человека — от слишком рьяных их защитников. Во всяком случае, тенденции развития современного мира в последние два-три десятилетия показывают, что возникает необходимость поисков путей совершенствования демократии посредством ограничения тех или иных ее ценностей, принципов, институтов, отношений и т.д. Здесь речь идет не о бездумном противодействии демократии, правам и свободам человека как таковым, а о противодействии их выхолащиванию и слепому навязыванию к месту и не к месту всем без разбора народам с применением их экспорта силовыми методами и средствами, или, как говорят американские неоконцы, «демократических революций».

Ситуация неопределенности, неустойчивости, многогранности, стремительно изменяющихся реалий и т.д. не дает нашему видению проникнуть через стремительно меняющуюся пелену, закрывающую от нас контуры будущего. По историческим меркам демократия в современном ее понимании — сравнительно молодая форма политической самоорганизации народов, которой всего лишь немногим более двух столетий. Она возникла у сравнительно узкой группы народов евро-атлантического мира и продемонстрировала свою эффективность именно у этой группы народов в специфических условиях их господства над остальной ойкуменой. В этом смысле демократию можно рассматривать как некий локальный феномен, возникший на определенном отрезке истории западного человечества, и в этом смысле она также не может не носить преходящий характер, впрочем, как и множество других феноменов, казавшихся вечными, но исчезнувших в густом тумане истории. Как форма политической самоорганизации, будто бы пригодная для всех без исключения народов, она прошла слишком короткий путь и еще не выдержала испытание историей или же, как показывают беспрецедентные успехи авторитарных Китая и Сингапура на пути экономического и технологического прогресса, борьбой за выживание наиболее успешных. Верно говорили древние римляне: *Omnia orta cadunt*, т.е. все тварное подвержено упадку и исчезновению.

Возможно, и здесь речь идет о «творческом разрушении», о котором говорилось выше. Однако нет гарантий того, что предлагаемый защитниками либертариистки понимаемых ценностей, установок, идей либерализма, демократии, прав и свобод человека мир будет лучше разрушаемого, что победители будут лучше побежденных. Может быть и так, что как бы канувший в Лету советский режим покажется идеалом для будущего переустройства мира, хотя, как говорится, и с человеческим лицом. Вполне может быть, что альтернатива демократии будет гораздо хуже самой демократии, ибо, как свидетельствует исторический, да и современный опыт, самые радикальные противники действующих политических режимов, придя к власти, нередко оказываются самыми жесткими руководителями.

С учетом этих доводов и аргументов боюсь, что нуждается в определенной корректировке тезис У. Черчилля о демократии, дилемма которой в современном мире состоит в том, что она может быть столь же худшей, как и остальные формы политической самоорганизации народов, и, как это ни покажется парадоксальным, она может стать угрозой основополагающим правам и свободам человека в их истинном, а не в либертариистском понимании. Касаясь вопроса о победе христианства над язычеством (в лице Платона), Ф. Ницше говорил, что «разрушенное стояло выше того, что победило!» [Ницше 1995]. Мы знаем, что эта победа подготовила почву для наступления в западном мире эпохи, которая получила название «темных веков»! Можно допустить, что нынешние слишком рьяные защитники прав и свобод человека в противовес всем ценностям и уста-

новкам «золотого правила», искушая людей прогрессом и процветанием, тоже попытаются вести человечество к мраку постлиберального, постдемократического мира. Было бы неразумным надеяться на то, что нам позволено игнорировать такую перспективу, беспрестанно повторяя лозунги демократии, прав и свобод человека.

Список литературы

- Комаров В.И. 1997. Социально-философские истоки утопизма. — *Ученые записки Казанского университета*. Сер. Гуманитарные науки. Т. 137. С. 178-194.
- Ницше Ф. 1995. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. М.: Транспорт. 300 с.
- Франк С.Л. 1992. *Духовные основы общества*. М.: Республика. 510 с.
- Шеллинг Ф.В.И. 1908. *Философское исследование о сущности человеческой свободы*. СПб: Издание Д. Е. Жуковского. 164 с.
- Bobbio N. 1985. *Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco*. Torino.
- Buchanan P.J. 2010. Democracy, Another God that Failed? — *The American Conservative*. January 8.
- Flach K.H. 1971. *Nach eine Chance für die Liberalen*. Frankfurt: Fischer. 96 s.
- Niesbet R. 1983. *Liberalismus und der Drang nach Macht: Wie tot ist der Liberalismus*. Wien.
- Treitschke von H. 1897. *Politik: Vorlesungen*. Leipzig.
- Zakaria F. 2003. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W. Norton & Company. 288 p.
- Zakaria F. 2011. Are America's Best Days Behind Us? — *Time*. March 3.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997); Professor of the Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University (bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave, GSP-1, Moscow, Russia, 119991; gajievks@mail.ru)

THE CRISIS OR A SUNSET OF LIBERALISM?

Abstract. The article attempts identifying and analyzing the crisis of liberalism, which, in turn, is closely linked to the crisis of political democracy, the ideas of the human rights and freedom. The main attention is focused on justification of the thesis that in the context of fundamental changes in the socio-cultural, political and cultural infrastructures of modern western society undergoes absolutization, reaching to the mutation of some of the basic provisions of liberalism. The author shows that the essence of this phenomenon consists in refusing a certain part of the intellectual and political establishment of the western countries from traditional values, institutions, moral norms, etc., under the banner of the struggle for human rights and freedom.

Keywords: West, liberalism, democracy, values, idea of human rights, freedom, politics, crisis, decline, mutation, society
